

Пантюхин Александр Михайлович

ОБНОВЛЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ КРАЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГОДОВ

Статья направлена на исследование переходного периода деятельности обновленческого движения Русской Православной Церкви во второй половине 1920-х годов, во время постепенного прекращения государственной поддержки раскола до официального закрепления антирелигиозной политики СССР в 1929 г.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/5-2/34.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11): в 4-х ч. Ч. II. С. 136-138. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983.
2. Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993.
3. Велецкая Н. Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов [Электронный ресурс]. М.: Наука, 1978. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/okkultizm/veleck/index.php
4. Клейн Л. С. Воскрешение Перуна. СПб.: Евразия, 2004.
5. Маслова Г. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX - начала XX вв. М.: Наука, 1984.
6. Петрухин В. «Проводы Перуна»: древнерусский «фольклор» и византийская традиция // Язык культуры: семантика и грамматика. М., 2004.
7. Русанова И. П., Тимошук Б. А. Языческие святилища древних славян. М.: Ладога, 2007.
8. Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1987.
9. Смирнов П. А. Двоеверие в русских простонародных праздниках. М.: ГАСК, 2001.
10. Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов: XIX - начало XX вв. М.: Наука, 1979.
11. Толстой Н. И. Очерки славянского язычества. М.: Индрик, 2003.
12. Толстой Н. И. Язык и народная культура: очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995.
13. Чистов К. В. К классификации обрядов жизненного цикла // Язычество восточных славян. Л., 1990.
14. Щепанская Т. Б. Культ дороги в русской мифоритуальной традиции XIX-XX вв. М.: Индрик, 2003.

MODERN NATIVE SCIENTISTS' VIEWS ON PAGAN RITES AND FESTIVALS OF EASTERN SLAVS**Konstantin Andreevich Pavlov***Department of Native History**Moscow State Classical University named after M. A. Sholokhov**costya.pawlow@yandex.ru*

The article covers modern native researches devoted to the problem of pagan rites and festivals of ancient Slavs. The author pays attention to the interesting questions raised by modern scientists such as the question about the systematization of Old Russian national holidays and about the classification of pagan rites and considers the views of modern researchers on such debatable question as human sacrifices of eastern Slavs.

Key words and phrases: pagan rites and festivals; rituals; modern native scientists; modern researches.

УДК 271.2

Статья направлена на исследование переходного периода деятельности обновленческого движения Русской Православной Церкви во второй половине 1920-х годов, во время постепенного прекращения государственной поддержки раскола до официального закрепления антирелигиозной политики СССР в 1929 г.

Ключевые слова и фразы: Церковь; раскол; обновленчество; религия; идеология; конформизм; антирелигиозная политика.

Александр Михайлович Пантюхин*Кафедра истории России**Ставропольский государственный университет**pantjuhin@bk.ru***ОБНОВЛЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ КРАЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГОДОВ®**

К началу XX в. в Русской Православной Церкви резко обострился кризис «синодальной» системы. Представителями разнородных церковных и околоцерковных кругов были предложены различные пути решения этой проблемы, преимущественно путем либеральных реформ. В столичных Санкт-Петербурге и Москве, а также в других академических городах возникли группы, предлагавшие различные пути выхода из кризиса. Их учение строилось на религиозно-философских изысканиях русских философов рубежа XIX-XX вв. К началу Первой российской революции церковно-реформаторские группы составили движение, условно обозначенное как «обновленческое». На основе этого движения к 1923 г. оформилась так называемая «синодальная» церковь (обновленческий раскол), некоторое время имевшая поддержку государственных органов.

Несмотря на сворачивание поддержки обновленцев государственной властью в 1923-1926 гг., на Северном Кавказе местные органы Советской власти продолжали оказывать свое покровительство обновленческому течению, что повлекло за собой отрицательные последствия. Во-первых, были практически ликвидированы епархии Патриаршей Церкви на Северо-Восточном Кавказе - немногие верные патриарху приходы подчинялись викарным епископам [13, С. 192-193]. Во-вторых, сильно пошатнулась нравственность, поколебался авторитет духовенства из-за неблагопристойного поведения некоторых обновленческих священнослужителей [1, д. 12, л. 62; 2, д. 12, л. 80]. В-третьих, широкое распространение получили протестантские и старообрядческие секты из-за недоверия к православию. В-четвертых, не ослабевала борьба патриаршего и обновленческого духовенства между собой и с другими юрисдикциями.

В 1926 г. начался постепенный перелом позиций в пользу Патриаршей Церкви. К началу года в Ставропольском округе Северо-Кавказского края действовали 22 обновленческих храма и 70 священнослужителей, в Терском округе - 10 храмов и 26 священнослужителей, в Карачаево-Черкесском автономном округе - 9 храмов и 21 священнослужитель, в Кабардино-Балкарском автономном округе - 9 храмов и 13 священнослужителей, в Северо-Осетинском автономном округе - 31 храм и 62 священнослужителя, в Чеченском автономном округе - 9 храмов и 12 священнослужителей [9, д. 389, л. 5].

Анализ архивных документов позволяет увидеть, что в Ставропольском и Терском округах еще до 1926 г. произошел крутой перелом в пользу Патриаршей Церкви. На 1 января 1926 г. в Ставропольском округе действовало 133 канонических храма, а в Терском округе - 111. В то же время в национальных округах православные храмы Патриаршей юрисдикции практически отсутствовали: два храма действовали в Карачаево-Черкесии и один в Северной Осетии, также в Чечне находились 4 безместных священника [10, д. 389, л. 4].

В 1926 г. на Северном Кавказе местные органы Советской власти вновь усилили работу по административной поддержке обновленчества в его борьбе с Патриаршей Церковью. Анализ архивных документов позволяет выделить следующие причины усиления поддержки обновленчества, несмотря на сворачивание этого курса в столице и центральных регионах страны: 1) уход Патриаршей Церкви в подполье в связи с усложнением регистрации; 2) поддержка канонической Церкви богатыми и антисоветскими слоями населения; 3) попытки верующих воспользоваться активным избирательным правом [3, д. 59, л. 1-3]. К 1 января 1926 г. на Северном Кавказе насчитывалось 9 обновленческих архиерейских кафедр против трех Патриарших, 2164 «синодальных» священнослужителя и 1916 патриарших. В Северо-Кавказском крае тогда располагалось 876 обновленческих приходов, что составляло более четверти всех обновленческих храмов Советского Союза [8, с. 166]. К октябрю число обновленческих храмов увеличилось до 960 за счет закрытия «тихоновских» общин и передачи культовых зданий в руки «синодалов» [11, д. 59, л. 9]. То есть именно на Северном Кавказе, наиболее зараженном контрреволюционными и «правыми» религиозными идеями, обновленчество насаждалось с особой силой.

Например, в г. Владикавказе в 1927 г. действовали 13 православных храмов, из которых 9 принадлежали обновленцам, один Патриаршей Церкви, а еще три храма обозначили свою принадлежность не по юрисдикционному признаку, а по этнообрядовому (2 осетинских и 1 грузинский) [5, д. 710, ч. 2, л. 269]. Уже в 1928 г. в антирелигиозных отчетах «Союза безбожников» указывалось, что в г. Владикавказе «официально существует только обновленческая церковь», несмотря на то, что еще действовали храмы других православных юрисдикций [6, д. 57, л. 110].

К 1926 г. Патриаршая Церковь на Северном Кавказе уже усилилась настолько, что стало возможным разделить Ставропольскую и Кубанскую епархию, восстановленную в 1923 г. и возглавляемую епископом Иннокентием (Летяевым). 7 августа 1926 г. он был переведен на Краснодарскую кафедру, а на его место был назначен архиепископ Иннокентий (Ястребов). Интересно отметить, что канонический архиерей пользовался большим уважением и любовью паствы, в отличие от обновленческих епископов.

С 1928 г. Ставропольскую кафедру (Патриаршей юрисдикции) возглавлял видный архиерей того времени - архиепископ Серафим (Мещеряков), бывший обновленец - участник конкордата трех. Интересно отметить, что патриаршие архиереи Северного Кавказа выгодно отличались от обновленческих епископов. В 1920-е гг. только около половины епископов обновленческого поставления имели пострижение в монашество или рясофор [4]. Архиереи старого (до 1923 г.) поставления либо ставились под жесткий контроль Священного Синода и органов ОГПУ, либо через покаяние возвращались в Патриаршую Церковь.

Обновленцы Северного Кавказа, чтобы предотвратить нарастающий кризис, были вынуждены сформировать новую идеологическую систему. Сохранив идею полной лояльности Советской власти, обновленцы развили мысль о спасении православия. Виновниками церковного кризиса объявлялись так называемые «тихоновцы» (Патриаршая Церковь), а с 1928 г. и «бுவевцы» (раскол «непоминающих», «иосифлян»).

К концу 20-х гг. XX в. значительно изменились взаимоотношения Патриаршей Церкви и обновленцев на Северном Кавказе на местах. Это явление имело несколько серьезных причин.

1. Широкое распространение после 1927-1928 гг. раскола «непоминающих», на Северном Кавказе получившего название «бுவевского» движения (по имени управляющего приходами «непоминающих» Юга России епископа Алексия (Буя)). Благочинным Ставропольского «бுவевского» округа стал священник В. П. Перепелкин, развернувший жестокую борьбу за приходы, сумев перетянуть в свою юрисдикцию несколько канонических и обновленческих храмов [12, с. 324, 352]. Патриаршая Церковь и обновленцы были вынуждены выступить единым фронтом против правых расколов.

2. Ужесточение административных мер органов Советской власти против православных религиозных организаций ставило канонические и обновленческие общины перед необходимостью сотрудничества во внутрицерковных делах, особенно в тех приходах, в которых были представлены и Патриаршая, и обновленческая общины.

Интересным примером может служить переписка церковно-приходского совета Андреевского храма г. Ставрополя, находившегося в Патриаршей юрисдикции, с обновленческим Ставропольским Епархиальным управлением по вопросу совместного проведения ремонта [7, д. 36, л. 25-26], т.к. Владимирский храм, расположенный в колокольне, принадлежал обновленческой общине и имел прямое управление из обновленческого Ставропольского Епархиального управления.

В 1929 г. началось значительное усиление антирелигиозной политики в СССР в целом и на Ставрополье в частности. Новое законодательство позволяло закрывать храмы без каких-либо объяснений. Причем уже не делалось различий не только между юрисдикциями, но и между конфессиональными направлениями вообще. Можно говорить о начале нового этапа государственной религиозной политики Советской власти, продлившегося до 1943 г.

Список литературы

1. Госинфсводка № 4 Терского окружного отдела ОГПУ по состоянию с 27/1 по 11/II 1925 года // Государственный архив Новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК). Ф. 5938. Оп. 1.
2. Госинфсводка № 5 Терского окружного отдела ОГПУ за время с 11 по 25 февраля 1925 г. // Там же.
3. Докладная записка о состоянии духовенства в Сев. Кав. крае на 15/X-26 г. // Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-1458. Оп. 8.
4. Мануил (Лемешевский), митр. Каталог русских архиереев-обновленцев: материал для «Словаря русских архиереев-обновленцев: 1922-1944 гг.» // «Обновленческий» раскол: материалы для церковно-исторической и канонической характеристики / сост. И. В. Соловьев. М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2002.
5. Отчет о состоянии и деятельности Административного отдела Владокрисполкома за время с 1-го марта по 1-е сентября 1927 г. // Центральный государственный архив Республики Северная Осетия - Алания (ЦГА РСО-А). Ф. Р-47. Оп. 1.
6. Отчет «Союза безбожников» г. Владикавказа за 1928 г. // Центральный государственный архив историко-политических документов Республики Северная Осетия - Алания (ЦГА ИПД РСО-А). Ф. П-2. Оп. 1.
7. Письмо Исполнит. органа Андреевской ц. г. Ставрополя в Свято-Троицкий собор Епархиальному Управлению [обновленческому] // Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. Р-631. Оп. 1.
8. Пospelовский Д. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1996.
9. Сведения о состоянии Синодального духовенства (обновленческого) на 1/1-26 года // Центр документации Новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 7. Оп. 1.
10. Сведения о состоянии Тихоновского духовенства на С.-К. на 1/1-1926 года // Там же.
11. Численный состав духовенства, их аппаратов и церквей по Северо-Кавказскому краю по состоянию на 15-е октября 1926 года // ГАРО. Ф. Р-1458. Оп. 8.
12. Шкаровский М. В. Истинно-православные в Воронежской епархии // Минувшее. 1996. Кн. 19.
13. Coelestin Patock OSA. Die Eparchien der Russisch-Orthodoxen Kirche // Ostkirchlichen Studien. Würzburg, 1998. № 47.

RENOVATIONIST MOVEMENT OF RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN NORTH CAUCASIAN REGION IN THE SECOND HALF OF THE 1920S

Aleksandr Mikhailovich Pantyukhin
Department of Russian History
Stavropol' State University
pantjuhin@bk.ru

The article is aimed at the research of the transition period of Russian Orthodox Church renovationist movement activity in the second half of the 1920s during the graduate stopping of the state support of the split till the official consolidation of anti-religious policy of the USSR in 1929.

Key words and phrases: Church; split; renovationism; religion; ideology; conformism; anti-religious policy.